

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС — ИЗ

КНИГА ПЕРВАЯ

СРОК ГОДНОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОЛЕГ ЗАЙЦЕВ

18+

Олег Зайцев
1-Срок годности. Цикл
Неприкосновенный запас - НЗ

<https://litres.ru/74314943>

SelfPub; 2026

Аннотация

Человеческий нос — паршивый прибор, но для Ильи Горина, сроковщика просроченного мира, это единственный способ отделить съедобное от смертоносного. Спустя семьдесят лет после таинственного Цветения, погубившего цивилизацию, еда стала эквивалентом власти. Когда в степи находят довоенный бункер неприкосновенного запаса (НЗ-12), за право обладать им начинается жестокая война. Но бункер открывается только от ладони Ильи. Горин — не просто эксперт, он К-17, живой ключ и генетическое имущество системы, чей «срок годности» истекает через семнадцать часов. Вместе с Верой Ладовой, сотрудницей Управы и его зеркальной генетической матрицей, Илье предстоит спуститься в затопленные контуры НЗ. Туда, где автоматика не спасает людей, а перерабатывает их. Постапокалиптический технотриллер о цене выживания, долгах и природе человечности. Здесь бесплатная еда убивает быстрее голода, а будущее производится вручную — малыми и очень условными партиями.

Содержание

Глава 1. Годен условно	4
Глава 2. Условия хранения	50
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Олег Зайцев

1-Срок годности. Цикл Неприкосновенный запас - НЗ

Глава 1. Годен условно

Человеческий нос — паршивый лабораторный прибор.

Он быстро устаёт, легко обманывается и расположен слишком близко ко рту. Последнее обстоятельство особенно неприятно, когда проверяешь мясные консервы.

Я поставил банку в глубокий жестяной таз, накрыл промасленной тряпкой и протянул через кольцо длинное шило. Кончик вошёл во вздутую крышку. Под тканью сердито зашипело, в таз потекла бурая пена. Толпа за полосатой верёвкой дружно отступила. Один из грузчиков, тот самый, что ещё минуту назад клялся свежестью товара, попятился быстрее остальных и наступил соседу на ногу.

— Ну? — спросил хозяин партии.

— Что «ну»?

— Годная?

Я посмотрел на него. Потом на пену, которая добралась до

края таза и свесилась тяжёлой соплёй. Потом снова на него.

— Попробуй.

— Я серьёзно, Илья.

— Я тоже. Ложку дать?

Толпа загоготала. Хозяин партии, рыжий широкоплечий мужик по прозвищу Бугай, юмора не оценил. С ним такое часто случалось. Для понимания шуток Бугаю требовалось либо больше времени, либо меньше самолюбия, а ни тем, ни другим судьба его не наградила.

Он упёр кулаки в прилавок.

— Я за экспертизу плачу.

— Ты платишь за заключение. Экспертизу оплачивает тот, кто потом это сожрёт.

Я откинул край тряпки щипцами и подцепил пинцетом комок из банки. Волокна расплзлись, будто мокрая пакля. На мясе поблёскивали мелкие кристаллы. Не соль. Соль так не растёт.

— Семь банок из семи с бомбажом, — сказал я. — Шов потемнел. Олово пошло пятнами. Внутри газ, слизь и колонии дрожжей. Ботулизм по запаху не определяется, но тут и без него богатый выбор способов обосраться до смерти. Партия негодна.

— Семь из трёхсот двадцати.

— Семь банок из разных ящиков. Выборка твоя, не моя.

— Их в сухом подвале нашли.

— Очень рад за подвал.

— Там прохладно было.

— А сейчас август.

— Ну и что?

— Ничего. Давай поставим их на солнце. К вечеру крышки сами откроются, экономия на ключах.

Бугай выпрямился. За спиной у него стояли две телеги, доверху забитые деревянными ящиками. На каждом ещё угадывался выцветший армейский трафарет: звезда, номер партии, слово «ГОВЯДИНА». Семьдесят лет назад подобные надписи, наверное, вызывали скуку. Теперь одна такая телега стоила небольшого хутора вместе с жителями, скотом и семейными тайнами.

Если содержимое было съедобным.

— Десять пластин, — сказал Бугай тихо.

— За что?

— Ты ставишь жёлтую печать. «Годен условно». А я продаю дешевле.

Смех за верёвкой стих.

На рынке любили чужой торг. Особенно такой, после которого кто-нибудь мог лишиться зубов, товара или права торговли. Это позволяло провести утро с пользой и не тратить собственные деньги.

Я вынул из кармана круглую латунную печать и положил рядом с тазом. На одной стороне был выбит мой номер — 17. На другой — три буквы: СЛУЖ. Старое сокращение от не менее старого названия городской санитарной службы. Са-

мой службы не существовало уже двенадцать лет. Латунь пережила учреждение. Так бывает чаще, чем хотелось бы чиновникам.

— Видишь цвет? — спросил я.

— Вижу.

— Какой?

— Жёлтый.

— Это латунь, Бугай. Печать одна. Решений два: годно или в яму. Жёлтая печать существует только у тебя в голове, рядом с совестью. Не знаю, как они там помещаются, но наружу не выйдут.

Он перегнулся через прилавок.

— Двадцать пластин.

— Убери товар с рынка.

— Тридцать.

— Иначе я позову дозор.

— Половина сейчас.

— Ты меня не понял.

— Это ты не понял, сроковщик. Я полтора месяца за этой тушёнкой ходил. Двух людей потерял. Лошадь сдохла. Телегу новую купил. Там мой дом, блядь, в этих ящиках.

Вот теперь стало не смешно.

Я понимал его лучше, чем хотел показать. В новом мире любое богатство умело притворяться едой. Земля, оружие, железо, дети, чужой труд — всё рано или поздно превращалось в завтрак. Или не превращалось. Тогда человек быстро

выяснял, что философия плохо усваивается натошак.

— В этих ящиках не дом, — сказал я. — Могила. Просто пока без жильцов.

Бугай посмотрел на меня долгим взглядом. Публика замерла, предвкушая продолжение. Рыжая борода у него шевельнулась. Правая рука сползла с прилавка к поясу.

Я не потянулся к пистолету. Под прилавком у меня был обрез, направленный примерно туда, где у Бугая начиналась мечта о доме. Курок уже стоял на взводе. Оставалось нажать ногой на рычаг.

Это знали все торговцы. Бугай тоже.

Он выпрямился.

— Чтоб ты подавился своей честностью.

— Не подавлюсь. Она мелкая.

— Я вернусь.

— С пустыми телегами.

Бугай плюнул на землю, развернулся и пошёл к грузчикам. Толпа расступалась перед ним с той предупредительностью, которую часто путают с уважением.

Я поставил на заключении чёрный оттиск: «БРАК». Ниже вписал номер партии, семь вскрытых единиц и причину. Второй оттиск лёг на крышку ближайшего ящика. Чернила расплылись по сырому дереву, но слово читалось.

— В яму, — приказал десятник рыночного дозора.

Грузчики переглянулись.

— Он же нас не наймёт больше, — пробормотал один.

— Зато я вас завтра найду, если хоть один ящик свернёт не туда, — сказал десятник. — Тащите.

Телеги покатались к южным воротам. Бугай шагал рядом и не оборачивался. Я смотрел ему вслед, пока последний ящик не скрылся за рядами прилавков.

— Сорок пластин, — произнёс кто-то у моего плеча. — Неплохие деньги.

— За эти деньги пришлось бы есть вместе с покупателем.

— Тебя бы никто не заставил.

— В том и беда.

Я повернулся.

Женщина возле прилавка не имела ничего общего с рынком. Чистая серая рубашка. Узкие штаны из плотного холста. Высокие шнурованные ботинки без засохшего навоза на подошвах. Короткие тёмные волосы лежали аккуратно, словно ветер обязан был спрашивать разрешения, прежде чем их трогать. На ремне висел маленький револьвер в закрытой кобуре и плоская сумка с медным знаком Управы.

Больше всего меня насторожили руки. Чистые ногти и чернильное пятно на среднем пальце. Такие люди не таскают ящики. Они решают, кто будет таскать.

— Если пришли проверять мою лицензию, — сказал я, — она всё ещё просрочена.

— На три года.

— На два с половиной. Не надо округлять в ущерб граж-

данину.

— Городской календарь считает иначе.

— Городской календарь на прошлой неделе потерял четверг.

Женщина едва заметно улыбнулась.

— Илья Горин?

— Смотря кто спрашивает.

— Вера Соколова. Особые поручения Управы.

Она не протянула руку. Разумно. Я только что ковырял тухлое мясо.

— Звучит тревожно, Вера Соколова.

— Так и задумано. Когда освободитесь?

Я оглядел очередь. За верёвкой стояло человек сорок. Кто с мешком, кто с корзиной, кто с мятым ведром. Старуха прижимала к груди три бутылки мутного масла. Двое братьев из северного посада привезли сушёную рыбу. Молодая женщина держала жестяную банку детской смеси обеими руками, будто та могла вырваться.

— К вечеру.

— Мне нужно сейчас.

— Им тоже.

— Управа заплатит за день простоя.

Толпа одобрительно загудела.

Я поднял ладонь.

— Заплатит кому?

— Каждому, кто записан в очередь. По средней дневной

ставке рынка.

— Врёте.

— Разумеется. Но я могу распорядиться выдать каждому по две пищевые марки. Это немного меньше средней ставки, зато правда.

Толпа загудела ещё громче. Теперь уже с явным одобрением.

— Продажные вы люди, — сказал я им.

— А ты торгуйся лучше! — крикнул рыбак из заднего ряда.

Я вымыл руки в растворе золы, протёр спиртом инструменты и стал укладывать их в кожаный футляр. Шило, пинцет, стальная ложка, три стеклянные трубки, лакмус, корбочка с реактивами, складные весы, увеличительное стекло. Всё старое, несколько раз чиненное и более надёжное, чем большинство моих знакомых.

Женщина с детской смесью не двигалась.

— Вы слышали? — спросил я. — Сегодня всё.

— Мне только одну банку.

— Завтра придёшь первой.

— Мне сегодня надо.

Она говорила спокойно. От этого её просьба звучала хуже плача. На впалой щеке желтел синяк. Ребёнка при ней не было, но белое пятно засохшего молока на кофте всё объясняло.

Вера Соколова посмотрела сначала на неё, потом на меня.

Я ненавидел людей, которые умели молчать с выражением.
— Давайте, — сказал я.

Женщина поспешно поставила банку на прилавок.

Жесть была хорошая. Без вздутия. Шов ровный, ржавчины немного. Этикетка почти истлела, но цифры сохранились: произведено в июле двадцать девятого, годность восемнадцать месяцев. До Цветения оставалось почти двенадцать лет. До сегодняшнего утра банка просрочилась примерно на пятьдесят пять лет.

— Где нашли?

— У матери. В стене лежала. Сухо там.

Я встряхнул банку. Содержимое шуршало свободно, без комков. Неплохо. Подцепил кромку ключом, отвернул крышку. Воздух вошёл внутрь с тихим вздохом.

Порошок был кремовый. Запах — сладковатый, молочный. Никакой сырости, прогорклости или химической горечи. Я насыпал щепоть в трубку, добавил тёплой воды. Смесь растворилась почти полностью. Лакмус показал приемлемую кислотность.

Женщина смотрела так, будто я проводил операцию на сердце её ребёнка.

— Хранилище было холодное?

— Зимой промерзло. Летом... не знаю. Там камень кругом.

Я поднёс трубку к свету. На поверхности появилась тонкая радужная плёнка.

— Жир окислился, — сказал я.

Её пальцы сжались на краю прилавка.

— Но этого достаточно. Ребёнку нельзя.

— Совсем нельзя?

Мне следовало поставить чёрную печать и закончить разговор. Для младенца прогорклый жир означал не только больной живот: смесь давно не могла гарантировать ни питательность, ни безопасность. Запах, цвет и лакмус здесь не оправдывали ничего.

Я высыпал немного порошка в две чистые трубки и закупорил. Остальное соскрёб в отдельный мешок для старой лабораторной печи. Пустую банку промыл кипятком.

— Смесь я забираю на пробы. Банку верну. А вам дам две марки и записку в лечебницу. Там должны подобрать отвар по возрасту и посмотреть ребёнка сегодня, не завтра.

— Две марки не кормят неделю.

— Знаю.

Это было хуже правильного ответа: правильный ответ ничего не стоил тому, кто его произносил. Я вынул из кошелька ещё две собственные марки и положил рядом.

Жёлтая печать всё-таки существовала.

Только ставили её не на банку. На решение, которое нельзя было назвать ни хорошим, ни бесплатным.

Я завернул пустую банку в чистую ткань и отдал женщине.

— Сколько?

— Нисколько.

— Я могу заплатить.

— Тогда завтра принесите ребёнка. Мне нужно убедить-
ся, что в лечебнице вас не развернули.

Она кивнула, прижала свёрток к груди и ушла. Толпа рас-
ступилась молча.

— Дорого, — сказала Вера.

— Не начинайте.

— Что именно?

— Делать выводы.

— Вы только что заплатили за собственный запрет.

— Речь была не о запретах. Речь была о последствиях.

— Разумеется.

Я закрыл ставни прилавка и запер обрез. Десятник полу-
чил расписку на две марки для каждого очередника и очень
обрадовался возможности раздать казённое добро. Особен-
но после того, как я напомнил, что список останется у меня.

Мы вышли с рынка через восточную арку.

К полудню Затвор начинал пахнуть горячим камнем, кон-
ским потом и водорослями. Поселение занимало старый реч-
ной грузовой узел: элеватор, склады, мастерские и несколь-
ко кирпичных домов, соединённых стенами из железнодоро-
жных вагонов. Вагоны поставили на торец ещё при первом
старосте. Днища смотрели в степь, колёсные пары торчали
на двадцатиметровой высоте. Поначалу люди смеялись над
такой стеной. Потом пришла орда с юга, оставила под ней
три сотни трупов, и смех прекратился.

Над крышами медленно поворачивались четыре ветроколеса. Лопасты были деревянными, подшипники — бронзовыми, провода — в стеклянных изоляторах. Никакой резины, никакого пластика. Цветение научило человечество ценить материалы, которые раньше считались неудобными.

Говорят, до него люди заворачивали каждый кусок еды в прозрачную плёнку и выбрасывали после первого использования. Я в это не верю. Предки могли быть расточительными, но не настолько же ебанутыми.

Вера шла быстро. Мне приходилось лавировать между телегами, чтобы не отставать.

— Куда мы направляемся?

— На старый разъезд.

— Это за стеной.

— Вы наблюдательны.

— Там Белая падь.

— Именно.

Я остановился.

Она прошла ещё три шага и обернулась.

— Нет, — сказал я.

— Вы даже не выслушали.

— Мне нравится жить. Можете считать это профессиональной деформацией.

— В падь спускаться не придётся.

— Все так говорят перед тем, как спуститься в падь.

— После вчерашнего ливня обвалился северный склон.

Открылся вход.

— В падь.

— В подземное сооружение.

— Расположенное где?

— На границе.

— С падью.

— Вы всегда так разговариваете?

— Только когда меня пытаются нанять до обеда.

Вера достала из сумки сложенный лист. Бумага была плотной, желтоватой, с тиснённым знаком Управы. Внизу стояли подписи старшины Затвора, начальника дозора и казначея. Три человека, которые терпеть друг друга не могли, сошлись на одном документе. Это впечатляло сильнее печати.

— Ночью дозорные осмотрели вход, — сказала она. — Металлическая дверь. Надпись «НЗ-12». За дверью сухой коридор. В двадцати метрах ещё одна преграда. Герметичная.

— Резина?

— Стеклотканевый шнур и свинцовая обжимка.

Это заставило меня взять документ.

Свинец применяли на действительно важных объектах. Он не боялся спор, не пропускал воду и хорошо переживал время. Плохо переживал только людей — слишком легко превращался в пули, кровлю и грузила.

— Дозор вскрыл первую дверь?

— Она была открыта обвалом.

— Следы Цветения?

— Белёсый налёт снаружи. Внутри чисто.

— Воздух проверяли?

— Лампа горит.

— Лампа не кашляет кровью и не рождает детей без глаз.

— Поэтому идёте вы.

Я развернул лист полностью. В графе «специалист» уже стояло моё имя.

— Предусмотрительно.

— Управе нужен лучший сроковщик.

— Лучший уехал в Калугу два года назад.

— Он умер.

— Тогда формально вы правы.

Внизу была указана плата: двадцать пищевых пластин за осмотр, ещё восемьдесят — если внутри найдутся запасы и я установлю их состояние. Кроме того, мне полагалась одна сотая пригодного товара после постановки на городской учёт.

Я перечитал цифру.

— Одна сотая?

— Не более пятисот килограммов.

— А если там пусто?

— Получите двадцать пластин.

— Если там Цветение?

— Тридцать.

— Если я сдохну?

— Пятьдесят получит указанный вами наследник.

— Щедро.

— Управа ценит специалистов.

— Особенно посмертно. Они меньше спорят.

Я вернул документ.

Вера не убрала руку.

— Что означает «НЗ»? — спросила она.

— Не знаю.

— Врёте.

— Разумеется.

До Цветения существовала система государственных складов. На случай войны, голода, эпидемии или другого несчастья, которое начальство успело занести в таблицу. В них держали зерно, лекарства, инструменты, одежду, детали машин. Всё, что требовалось стране, чтобы пережить плохой год.

Неприкосновенный запас.

В детстве я слышал сказки о складах, где тушёнка стоит стенами, сахар лежит белыми горами, а в подземных цистернах плещется чистый спирт. У каждой деревни была своя версия. В одних хранилищах спали железные танки. В других — замороженные люди старого мира. В третьих жил бессмертный президент и ждал, когда народ снова станет достоин его мудрого руководства.

Взрослые любят врать детям о сокровищах. Так голод переносится легче.

— НЗ может означать что угодно, — сказал я.

— Поэтому вы согласны?

Я посмотрел на подписи, потом на восточные ворота. За ними над степью дрожало марево. Белая падь лежала километрах в девяти. В сухую погоду дорога занимала два часа. После дождя — четыре, если повезёт.

— Кто идёт?

— Я. Трое дозорных. Двое рабочих.

— Медик?

— Я медик.

— Особые поручения, медик, писарь...

— Ещё я неплохо стреляю.

— Вот теперь совсем страшно.

— Значит, договорились.

— Сто двадцать пластин.

— В документе восемьдесят.

— В документе вход не был НЗ.

— Вы знали это, когда читали.

— Но ещё не успел испугаться как следует.

— Девяносто.

— Сто десять и две сотых, не ограниченные весом.

— Сто и одна сотая, максимум пятьсот килограммов.

— Аванс двадцать.

— Десять.

— Пятнадцать.

— Идёт.

Мы пожали руки.

У неё была сухая крепкая ладонь без колец. На запястье, под манжетой, белел старый ожог. Не от огня. Такие следы оставляло заражённое масло, когда Цветение начинало жрать перчатку прямо на руке.

Я сделал вид, что не заметил.

Она сделала вид, что поверила.

* * *

За мной зашли через сорок минут.

Этого хватило, чтобы переодеться, собрать реактивы и написать имя наследника. Последнее заняло больше всего времени.

В итоге я оставил строку пустой.

У восточных ворот ждала открытая паровая дрезина. Четыре железных колеса, деревянная платформа, котёл размером с пивную бочку и рычажный привод на случай, если пар решит закончиться в особенно неподходящем месте. Машину прозвали Клопом. Видимо, за красоту.

Возле неё стояли пятеро.

Первым я узнал десятника Кочета. Квадратная борода, квадратные плечи, квадратное представление о мире. Всё полезное следовало охранять. Всё опасное — убивать. Всё непонятное — сначала убивать, потом решать, было ли оно опасным.

Рядом переминался молодой дозорный Савва, худой и веснушчатый. Винтовка казалась старше и умнее хозяина.

Третьей была невысокая женщина по имени Тая. Я видел её на стене, но никогда не слышал голос. За спиной у неё висел короткий лук, на поясе — тесак.

Рабочих представляли Шило и Мотя. Шило был длинным, жилистым и беззубым. Мотя — коротким, широким и молчаливым. Между ними на платформе лежали ломы, ручная лебёдка, два мотка стального троса, молоты, лопаты и деревянный ящик с чёрным порохом.

— Порох зачем? — спросил я.

Шило ослабился пустым ртом.

— Дверь уговаривать.

— Порох останется снаружи.

— Командуешь тут не ты.

— Зато первым узнаю, что вы вскрыли. Если там облако спор, у тебя не хватит зубов даже красиво улыбнуться перед смертью.

— У меня и сейчас не хватает.

Он снова улыбнулся. Пришлось признать его правоту.

Вера появилась последней. Поверх рубашки на ней был кожаный нагрудник с нашитыми стальными пластинами. Волосы скрывал серый платок. В руке — запёртый врачебный ящик.

Кочет поднял воротную перекладину.

— Садись, сроковщик. До темноты надо вернуться.

— Хороший план.

— Другого нет.

— Тогда просто план.

Клоп выплюнул облако пара и тронулся.

Первые три километра рельсы шли вдоль старой насыпи. Стальные полосы сохранились удивительно хорошо. Деревянные шпалы давно сгнили, их заменили каменными блоками и поперечинами из обожжённого дуба. Дрезина подпрыгивала на стыках, заставляя инструмент звенеть, а внутренности вспоминать всё съеденное за неделю.

По обе стороны тянулись поля Затвора. Полоса ржи, полоса льна, чёрный пар. Никаких больших площадей одной культуры. После Цветения люди перестали складывать все надежды в один мешок. Мешок обязательно рвался.

На дальних межах стояли белильные вышки. Работники в кожаных масках опрыскивали телеги и обувь известковым раствором. Белая пыль висела над дорогами, оседала на траве и делала пейзаж похожим на раннюю зиму.

Савва сел рядом со мной.

— Это правда, что в старой тушёнке мясо может ожить?

— Конечно.

— Серьёзно?

— Открываешь банку, а корова выпрыгивает и требует вернуть вырезку.

Тая фыркнула. Савва покраснел.

— Я про червей.

— Черви тоже требуют.

— Да иди ты.

Он пересел ближе к Кочету.

— Не мучайте ребёнка, — сказала Вера.

— Он вооружён. Значит, взрослый.

— Удобная теория.

— Проверенная.

На четвёртом километре поля закончились. Началась Седая полоса — земля, куда Цветение приходило много раз и каждый раз находило чем поживиться. По правую руку лежало кладбище машин. Железные кузова сохранились, всё остальное исчезло: шины, сиденья, провода, краска. Скелеты автобусов и грузовиков торчали из травы, как кости огромных зверей.

Белый налёт покрывал металл кружевом. Он казался мёртвым. В полдень всегда казался.

Кочет прикрыл лицо платком.

Остальные сделали то же самое.

Я надел маску последним. Два слоя льняной ткани, между ними древесный уголь и медная сетка. От спор она не спасала. Но если человек лезет в смертельное место без бесполезного талисмана, остальные начинают нервничать.

Дрезина замедлилась.

Впереди рельсы уходили под воду. Вчерашний ливень размыл насыпь и наполнил низину мутной жижей.

— Приехали, — сказал Шило.

— До входа ещё два километра, — возразила Вера.

— Клоп не утка.

Мотя уже снимал с платформы лопату.

Полчаса мы таскали камень и укрепляли промоину. Шило работал быстро, Мотя — за двоих, дозорные следили за травой. Я стоял рядом с Верой и делал вид, что моя профессия запрещает физический труд.

— Вы могли бы помочь, — сказала она.

— Мог бы.

— Но?

— Боюсь нарушить сложившееся разделение обязанностей.

Она сунула мне лопату.

Кочет засмеялся.

Работа закончилась к тому моменту, когда рубашка прилипла к спине, а я твёрдо убедился, что разделение обязанностей придумали мудрые люди.

Клоп пересёк промоину медленно. Вода доходила до осей. Белые плёнки плавали на поверхности, цеплялись за колёса и лопались. Там, где они касались промасленного уплотнения, масло светлело.

— Быстрее, — сказал я машинисту.

Мотя прибавил пар.

Дрезина рванулась и взобралась на сухой участок. Я спрыгнул, присел возле задней оси. По краю кожаной манжеты расползалась белая бахрома.

— Известь, — потребовал я.

Шило подал мешочек. Я густо засыпал манжету, затем

промыл укусным раствором. Бахрома потемнела и осела.

— Живое? — спросил Савва.

— Уже нет.

— А если бы не заметили?

— К вечеру масло ушло бы. Потом манжета. На обратном пути заклинило бы ось.

— И?

— И пошли бы пешком.

Савва посмотрел на Седую полосу вокруг.

— Лучше бы сразу сдохли.

— Не ленись. Смерть любит работающих.

Белая падь открылась за поворотом.

Это был не овраг, как я представлял, а широкая рана длинной в несколько километров. Земля просела ещё в первые годы после Цветения, когда подземные трубы и кабельные коллекторы лишились изоляции, набрали воду и обрушились один за другим. Склоны состояли из слоёв глины, бетона и ржавого железа. На дне блестели лужи. Между ними лежали белые поля спор.

Ветер шёл от нас к пади.

Хороший знак.

Плохие знаки тоже нашлись быстро.

На размытой дороге отпечатались следы сапог.

Кочет поднял кулак. Дрезина остановилась.

Тая прыгнула первой и присела возле следов.

— Вчерашние, — сказала она.

Это были первые слова, которые я от неё услышал.

— Наш дозор? — спросила Вера.

— Наши шли туда и обратно. Здесь только туда.

Тая указала на две цепочки. Один человек ступал широко.

Второй прихрамывал на левую ногу.

— Может, обратно по камню вышли, — предположил Савва.

— Может, улетели, — сказал Кочет. — Оружие приготовить.

— Вход далеко? — спросил я.

— За тем гребнем.

— Дрезину здесь оставим.

— Почему?

— Если внутри кто-то есть, котёл слышали ещё у промоины. Не стоит подвозить им транспорт к двери.

Кочет подумал и кивнул.

Мотя стравил пар. Инструменты разобрали по рукам. Порох, к моему облегчению, остался на платформе. Шило взял лом, Мотя — лебёдку с тросом. Я нёс футляр и фонарь. Вера — медицинский ящик и револьвер.

Тая пошла впереди.

Тропа огибала край пади. Слева поднимался глинистый склон, справа начинался обрыв. Белые поля внизу шевелились от ветра. Иногда по ним пробегала рябь, хотя воздух вокруг оставался неподвижен.

Я старался не смотреть вниз.

— Боишься высоты? — спросила Вера.

— Нет. Низа.

— Есть разница?

— Высота ничего тебе не сделает. Опасно то, что ждёт в конце.

Вера поглядела на меня так, будто хотела снова сделать вывод.

— Не начинайте, — предупредил я.

На гребне Тая остановилась. Мы пригнулись.

Вход находился в обнажившемся склоне. Ливень смыл несколько метров земли и открыл бетонный фасад, наклонённый под небольшим углом. Из грязи торчала толстая стальная дверь. Верхнюю петлю вырвало вместе с куском стены. Створка лежала боком, оставляя чёрную щель.

Над ней сохранились выпуклые буквы:

НЗ-12

Ниже кто-то недавно провёл пальцем по грязи.

Три короткие черты. Одна длинная.

— Метка дозора? — спросил я.

Кочет покачал головой.

Тая указала на землю. Следы сапог уходили в щель.

Назад не возвращались.

— Сколько было ваших вчера? — спросил я.

— Четверо, — ответила Вера. — Они поставили другую метку. Крест в круге.

— Значит, после них вошли ещё двое.

— И до сих пор внутри, — сказал Савва.

— Или вышли не ногами, — добавил Шило.

Кочет снял с плеча ружьё и проверил капсюли.

— Тая, со мной. Савва, держишь вход. Остальные ждут.

— Нет, — сказал я.

Десятник повернулся.

— Чего?

— Если там повреждена внутренняя герметизация, вы принесёте всё на одежде. Сначала проверка воздуха.

— Ты из щели проверишь?

— Для начала.

Я достал из футляра стеклянную колбу, тонкую медную трубку и маленькие мехи. Трубку обернул чистой тканью, смоченной реактивом, и просунул в темноту. Несколько раз сжал мехи.

Ткань осталась голубой.

— Кислота низкая. Активного Цветения у входа нет.

— Вот и славно.

— Я не закончил.

Вторая полоска проверяла сернистые соединения. Третья — избыток углекислоты. Потом я поднёс к щели клетку с жуком.

Савва уставился на неё.

— Ты всё время носишь с собой жука?

— Его зовут Фёдор.

— Правда?

— Нет.

Жук побегал по дну, попробовал грызть прутик и остался жив. Я поставил клетку на землю.

Фёдор не умел находить яд и не заменял противогаз. Он лишь подтверждал, что воздух не убивает всё живое сразу. В наших условиях это считалось отдельным результатом.

— Теперь можно.

Кочет пролез в щель. Следом исчезла Тая.

Минуту ничего не происходило.

Потом изнутри раздался голос десятника:

— Чисто. Заходите.

Шило полез первым. Я — за ним. Пришлось повернуться боком и втянуть живот. Стальной край двери прошёл в двух пальцах от лица. На нём белел старый высохший налёт.

За дверью начинался наклонный коридор. Бетонные стены были сухими. Пол покрывала тонкая пыль, нарушенная множеством следов. Четыре цепочки принадлежали вчерашнему дозору. Две свежие уходили вниз.

Ламп было три: наша и две дозорные, оставленные на крюках. Их огонь стоял ровно.

— Вчера здесь была одна, — сказала Вера.

— Вторая не наша, — подтвердил Кочет.

Савва, оставшийся снаружи, выругался.

— Что? — крикнул десятник.

— Ничего! Просто не люблю, когда неизвестные люди оставляют свет в подземельях.

— Кто ж такое любит, — пробормотал Шило.

Я подошёл к чужой лампе. Простая жестяная плошка, фитиль из льна, жир. Коснулся корпуса.

Тёплый.

— Они близко, — сказал я.

Кочет поднял ружьё.

Коридор спускался метров на двадцать и упирался в круглую дверь. Точнее, в то место, где она должна была быть закрыта.

Свинцовая обжимка лежала на полу, разрезанная ровной полосой. Стеклотканевый шнур был вынут из паза и аккуратно свёрнут у стены. Массивная створка приоткрыта.

— Ваши это сделали? — спросил я.

Вера побледнела.

— Нет. Дозор не вскрывал.

Кочет приблизился к двери. Тая опустилась на колено, изучая следы.

— Двое вошли, — сказала она. — Один вышел.

— Куда вышел? — спросил Шило. — Мы бы встретили.

— Вышел в коридор. Потом вернулся внутрь.

Кочет толкнул створку стволом.

За ней вспыхнул электрический свет.

Не дрогнул фитиль. Не зажглась свеча. Под потолком ровно и бесшумно загорелась длинная стеклянная трубка.

Мы замерли.

Где-то в глубине сооружения заработал механизм. Снача-

ла низко загудел, потом щёлкнул несколько раз. По стенам побежала мелкая дрожь.

Савва сунул голову в коридор.

— Это что?

— Электричество, — ответила Вера.

Он посмотрел на светящуюся трубку.

— Да ну нахуй.

В этот раз никто не стал спорить.

Кочет распределил нас без долгих совещаний. Савва остался у наружной двери. Шило и Мотя — возле круглой, с лебёдкой и клиньями. Тая пошла первой. За ней десятник, потом Вера и я.

— Почему он впереди меня? — спросила Вера, кивнув на Кочета.

— Потому что у меня ружьё.

— А у меня револьвер.

— У меня борода гуще.

— Убедительно.

По ту сторону двери находился короткий тамбур. Пол и стены были облицованы молочным стеклом. В потолке темнели десятки отверстий. На противоположной стене горела зелёная стрелка.

Я успел сделать два шага.

Створка за спиной двинулась.

— Держать! — рявкнул Кочет.

Шило с Мотей навалились на неё снаружи. Металл про-

должал закрываться, неторопливо и равнодушно. Мотя встал в щель лом. Лом выгнулся. Шило всадил рядом клин и ударил молотом.

Дверь остановилась, оставив проход шириной в ладонь. Под потолком щёлкнуло.

— Назад! — крикнул я.

Из отверстий ударил белый туман.

Кочет вскинул ружьё, словно собирался застрелить потолок. Тая прижалась к стене. Вера закрыла лицо локтем. Я задержал дыхание и шагнул под струю.

Туман оказался холодным. Он лёг на кожу, защипал глаза. Запах спирта смешался с чем-то хвойным.

— Не стрелять! Обработка!

— Какая ещё, к ебене матери, обработка?! — Кочет закашлялся.

— Обеззараживание.

— Сразу сказать не мог?

— Я здесь впервые.

— А говоришь уверенно.

— Это помогает окружающим не паниковать.

— Не помогает!

Туман прекратился. В стенах загудело, вытягивая пары. Зелёная стрелка погасла. Вместо неё загорелись две строки:

ОБРАБОТКА ЗАВЕРШЕНА

ЗАГРЯЗНЕНИЕ: ДОПУСТИМО

— Оно пишет, — прошептала Тая.

— Это табло, — сказала Вера.

— Я вижу, что не икона.

В её голосе не было страха. Только раздражение человека, которому объяснили очевидное.

За тамбуром открывался прямой коридор. Свет включался впереди и гас позади, сопровождая нас. По стенам шли трубы, каждая отмечена своим цветом. Красная, синяя, жёлтая, зелёная. Краска лежала ровно. На полу не было ни пыли, ни воды.

Я провёл пальцем по стене.

Чисто.

— Семьдесят лет, — сказала Вера.

— Или семь дней.

— Что?

Я показал палец.

Она ничего не ответила.

Через пятнадцать метров коридор раздваивался. Слева висела табличка «ТЕХНИЧЕСКИЙ БЛОК». Справа — «ХРАНЕНИЕ». Свежие следы уходили направо.

Тая присела.

— Один волочил ногу. Обратного никто не шёл.

— Найдём, — сказал Кочет.

Он двинулся к хранилищу.

Я повернул налево.

— Горин, — окликнула Вера.

— Электричество не растёт на стенах. Если сооружение

работает, у него есть источник. Я хочу знать, насколько долго он собирается работать и что выключится первым.

— Следы ведут в другую сторону.

— Вот и прекрасно. Значит, там люди, а здесь ответы.

Кочет посмотрел на Веру. Она — на меня.

— Пять минут, — решила она.

Дверь технического блока отъехала в стену сама. За ней находилась комната с металлическими шкафами. Большинство приборов ничего мне не говорило. Стрелки, лампы, ряды одинаковых переключателей. Один шкаф был открыт. Внутри бесшумно вращался блестящий вал.

Кочет потрогал его стволом.

— Не надо, — сказал я.

— Почему?

— Не знаю. Поэтому и не надо.

В дальнем углу стояли четыре больших цилиндра. Три молчали. Четвёртый едва заметно вибрировал. От него по полу уходила труба, помеченная синей полосой.

— Вода, — сказала Вера.

— Скорее всего. Подземный поток крутит машину. Машина даёт ток.

— Семьдесят лет?

Я посмотрел на открытый шкаф. На петлях не было пыли. На полу возле цилиндра темнели свежие капли масла.

— Нет.

За стеной грохнул выстрел.

Кочет оказался в коридоре раньше, чем эхо стихло. Тая — сразу за ним. Я выхватил пистолет и побежал следом, очень надеясь, что противник проявит уважение к моей профессии и нападёт на кого-нибудь другого.

Второй выстрел прозвучал ближе.

— Свои! — крикнул Кочет. — Савва!

Ответа не было.

Мы миновали тамбур. Клинья держали круглую дверь. Шило лежал на полу, зажимая плечо. Между пальцами текла кровь. Мотя прятался сбоку с молотом. Савва сидел у стены и растерянно смотрел на дырку в рукаве.

Напротив круглой двери, в полутьме входного коридора, лежал человек.

Кочет навёл ружьё.

— Живой?

— Был, когда стрелял, — ответил Савва.

— Кто начал?

— Он вышел из темноты. Я сказал остановиться. Он пальнул.

— А ты?

— Я тоже.

— Последовательно.

Человек застонал.

Тая приблизилась к нему вдоль стены. Пнула в сторону короткий карабин, перевернула раненого на спину.

Мужчине было лет сорок. Седая щетина, грязная куртка,

кожаная маска на шее. Левая штанина выше колена пропиталась кровью и блестела. Пуля Саввы прошла через бедро.

— Второй где? — спросил Кочет.

Раненый улыбнулся красными зубами.

— Внутри.

— Живой?

— Был.

— Имя.

— Моё или его?

Кочет надавил сапогом рядом с простреленной ногой.

Раненый выгнулся, ударился затылком о бетон и завыл.

— Оба, — уточнил десятник.

— Я — Ломоть. Он — Кашин. Мы с Заречья.

— Кто послал?

— Никто. Следы вашего дозора увидели. Решили проверить.

— Врёшь.

— Само собой. Но правду всё равно не успеешь вытрясти.

Он попытался перевести дыхание. Вера опустилась рядом, разрежала штанину и прижала к выходной ране свёрнутую ткань.

— Бедро навывлет, — сказала она. — Крупный сосуд, похоже, цел. Крови потерял много.

Она нашла пульс на шее, потом на стопе. По тому, как плотнее затянула давящую повязку, стало ясно: результат ей не понравился.

— Это хорошо или плохо? — спросил Ломоть.

— Плохо.

— А говоришь спокойно.

— Это помогает окружающим не паниковать.

Я поймал её взгляд. Она не улыбнулась.

— Не лезьте внутрь, — выдохнул раненый.

— Почему? — спросил я.

— Потому что Кашин умнее меня. Увидел свет и сразу сказал уходить. А я... Там столько добра. Вы не представляете.

— Что там?

— Еда. Ящики. Тысячи.

Шило перестал стонать и поднял голову.

— Какая еда?

— Всякая. Банки. Мешки. Коробки. Чистые, как из лавки. Кашин одну вскрыл...

— И?

Ломоть закрыл глаза.

— Она тёплая была.

По коридору прокатился глухой удар.

Клин у круглой двери сдвинулся на палец.

Мотя поднял молот.

— Дверь давит, — сказал он.

Это были первые слова, которые я от него услышал. Голос оказался высоким, почти детским.

— Ставь второй клин, — приказал Кочет.

— Не поможет, — сказал я. — Механизм сильнее. Либо идём внутрь, либо уходим сейчас.

— Шило не дойдёт.

— Дойду, — процедил рабочий. — За такие деньги без рук доползу.

— Какие деньги? — спросила Вера.

— А ты думаешь, мы за дневную ставку в эту дыру полезли?

Она перевела взгляд на Кочета.

Десятник выругался.

— Потом. Тая, забинтуй Шило. Мотя, лебёдку внутрь. Савва, дай раненому флягу.

— Мы его здесь оставим?

— Он стрелял в тебя. Снаружи у него хотя бы останется воздух и дорога наверх. Внутри мы его не вынесем.

Ломоть приоткрыл глаза.

— Спасибо, добрый человек.

— Я хочу допросить тебя позже.

— А я уж растрогался.

Вера оставила Ломтю флягу, затянула повязку ещё раз и положила рядом его карабин без патронов. Мы протиснулись в тамбур. Шило шёл сам, прижимая перевязь к плечу. Как только последний моток троса оказался внутри, Мотя выбил клин.

Круглая дверь закрылась.

Из-за закрывающейся двери донёсся смех Ломтя.

— Вот теперь вы все в одной банке.

— Заткнись, — сказал Савва.

— Следи, чтоб крышка не вздулась.

Снова ударил белый туман. Мы переждали обработку. Сквозь толстую створку Ломтя больше не было слышно.

— К хранилищу, — приказал Кочет.

Теперь никто не спорил.

* * *

Первая дверь хранилища была распахнута. За ней стояли стеллажи.

Я видел богатые склады. Видел зерновые подвалы, где крысы жирели до размеров кошки. Видел частные коллекции старого алкоголя, за одну бутылку которого можно купить хорошую лошадь. Видел аптечный сейф, набитый ампулами инсулина, и взрослого мужика, который рыдал перед ним, потому что холодильник умер на тридцать лет раньше.

Но ничего подобного передо мной ещё не было.

Стеллажи уходили во тьму ровными улицами. Ящики стояли от пола до потолка. Жестяные банки, стеклянные бутылки, металлические бочки, тюки в промасленной ткани. На каждом ряду светилась табличка с номером. Воздух был сухим и прохладным. Ни плесени. Ни мышинного помёта. Ни запаха гнили.

Шило забыл о плече.

— Мать моя родная.

— Не трогать, — сказала Вера.

— Я только посмотрю.

— Руками?

— Глаза у меня слабые.

Кочет двинул его прикладом в грудь.

— Сказано — не трогать.

В центре прохода лежал второй человек.

Кашин.

Он сидел, прислонившись к стеллажу. Между ног стояла открытая банка. В правой руке была зажата ложка. Левая лежала на животе. Глаза открыты. На губах засохла белая пена.

Савва выругался, узнав Кашина по куртке.

Я подошёл к труп. Кожа на лице посинела. Зрачки расширены. Ногти целы, следов рвоты нет. Смерть наступила быстро.

На банке не было старой этикетки. Белая жёсть, чёрные буквы:

РАЦИОН ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ № 4

ПАРТИЯ 86-08-11

УПОТРЕБИТЬ ДО 86-08-14

Я перечитал цифры.

— Что там? — спросил Кочет.

— Дата.

— Старая?

— Позавчерашняя.

Савва нервно хохотнул.

— Ну да. А приготовил кто? Бессмертный президент?

— Сегодня тринадцатое августа восемьдесят шестого года, — сказала Вера.

— Я знаю дату.

Она забрала банку. Поднесла к свету. Внутри оставалась серая каша с кусочками мяса.

— Может, старый календарь, — предположил Кочет.

— Тогда совпадение дня, месяца и двух последних цифр года, — сказал я. — Слишком старательное.

— Он умер от еды? — спросил Савва.

Я понюхал кашу. Крупа, жир, сушёный лук. Никакой горечи. Пинцетом вынул кусок мяса. Плотный, розоватый. Свежий.

— Не знаю.

— Так узнай. Ты же сроковщик.

— Я определяю порчу. Не воскрешаю дураков.

В воротнике мертвеца темнела точка. Я наклонился. Чуть ниже уха торчала короткая игла, тонкая, как рыбья кость.

— Его убили.

Тая уже осматривала стеллажи.

— Отсюда, — сказала она.

В металлической стойке напротив обнаружилось маленькое отверстие.

Кочет резко оттащил меня за шиворот.

— Все из прохода!

Мы укрылись за торцом стеллажа. Ничего не произошло.

— Где они взяли банку? — спросил Кочет.

Кашин не ответил. Вера приложила пальцы к его шее — скорее по привычке, чем в надежде.

— Мёртв.

— Великолепно, — сказал Кочет. — Ни свидетеля, ни ясности.

— Кашин снял банку не с полки, — сказал я.

— Почему?

— Здесь пыль.

Я показал на нижнюю полку. Тонкий серый слой лежал нетронутым. Банки стояли плотно, без пустых мест.

Тая вернулась к трупу и подняла его фонарь. Луч выхватил продолжение прохода. В двадцати метрах виднелся открытый ящик.

Рядом на полу белело пятно.

Мы приблизились вдоль соседнего ряда, держась за металлические стойками. Кочет шёл первым. Я не возражал. Борода действительно давала ему преимущество.

В ящике лежали такие же рационы. Десятки белых банок. У каждой — позавчерашняя дата производства.

На полу валялась ещё одна. Невскрытая.

— Он её уронил, — сказала Тая.

— А автомат выстрелил, когда Кашин вошёл в проход, — добавил я.

— Почему не выстрелил в нас?

Я посмотрел вверх. На балке горел маленький зелёный глазок.

— Может, ещё думает.

Зелёный свет стал красным.

Мы упали почти одновременно.

Игла звякнула о металлический ящик там, где секунду назад находилась голова Кочета.

Десятник выстрелил вверх. Грохот ударил между стеллажами, вернулся десятком раскатов. Лампа и красный глаз исчезли в облаке осколков.

Тая метнула нож. Из соседней балки посыпались искры.

— Назад! — крикнула Вера.

Красные точки зажигались одна за другой по всему хранилищу.

Мы побежали.

Стрелки били бесшумно. Звенели о банки, стучали в ящики, крошили бетон.

Шило споткнулся. Савва подхватил его за здоровую руку. Я прикрывал голову футляром с инструментами. Это было глупо. Но смерть с целыми реактивами казалась ещё глупее.

У выхода створка начала закрываться.

Тая проскользнула первой. За ней Вера. Кочет развернулся и выстрелил по ближайшему красному глазу. Савва толкнул Шило в щель.

Мотя не успевал.

Я бросил футляр, ухватил его за ремень и дёрнул. Широкий рабочий врезался в створку плечом. Щель стала уже.

— Боком! — заорал я.

Он повернулся. Металл прижал ему живот.

Мотя завыл и забил ладонями по двери.

Кочет сунул ствол ружья в щель. Сталь хрустнула. Створка остановилась на мгновение.

Я упёрся ногой в стену и потянул Мотю на себя. Савва и Вера схватили с другой стороны. Рабочий выскочил, содрав куртку и кожу с живота.

Кочет отпустил ружьё.

Дверь сомкнулась, перекусив ствол.

Десятник посмотрел на оставшийся в руках приклад.

— Хорошее было.

— Было бы плохое, не застряло бы, — сказал я.

— Заткнись.

Красный свет над дверью сменился зелёным.

Где-то внутри защёлкали механизмы.

— Уходим, — сказала Вера.

— Куда? — Шило кивнул в сторону входа. — Круглая дверь закрыта.

— Откроем.

— Чем? Лебёдка здесь, а крепёж снаружи. Порох тоже.

Кочет посмотрел на меня.

— Ты хотел знать, что выключится первым.

— Пока мы.

Мотя сидел у стены, прижимая ладонь к ободранному животу. Рана была поверхностной. Его трясло.

Савва поднял мой футляр. Крышку пробила игла. Она

прошла через коробку с лакмусом и застряла в деревянной ручке ложки.

— Держи.

— Спасибо.

— Почему оно убило Кашина, а нас сначала впустило?

— Может, не хотело убивать всех.

— А сейчас?

За дверью хранилища что-то тяжело ударило.

— Передумало.

Мы двинулись к тамбуру. Свет продолжал послушно загораться перед нами. В техническом ответвлении теперь мигала жёлтая лампа.

Вера остановилась.

— Источник энергии.

— Что с ним?

— Если отключим, двери освободятся.

— Или останутся закрыты навсегда, — сказал Кочет.

— Снаружи люди. Вскроют.

— У них порох, — напомнил Шило с надеждой.

— У нас воздух на сколько? — спросил Савва.

Никто не ответил.

Я посмотрел на цветные трубы. Красная и жёлтая уходили в сторону хранилища. Синяя — к машине. Зелёная тянулась вдоль коридора к круглой двери.

— Электричество не трогаем, — решил я. — Найдём управление дверью.

— Где?

— Возле двери. Старые строители тоже иногда думали.

В тамбуре не было ни рукоятки, ни колеса. Только гладкая стена и тёмный прямоугольник на высоте груди.

Вера провела по нему ладонью.

Экран загорелся.

ПРИЛОЖИТЕ ИДЕНТИФИКАТОР

— Какой ещё идентификатор? — спросил Кочет.

— Ключ, — ответила она.

— Есть?

— Нет.

Шило тихо выругался.

Я осмотрел края экрана. Ни замочной скважины, ни кнопок. Только нарисованная ладонь.

— Приложите руку, — сказал я.

— С чего вы решили, что мою?

— Вы первая нашли.

— Очень научный подход.

Она прижала ладонь к стеклу.

Белая линия скользнула от запястья к пальцам.

ИДЕНТИФИКАТОР ОТСУТСТВУЕТ

— Теперь ты, — приказал Кочет Савве.

— Почему я?

— Самый молодой. Вдруг старое железо любит детей.

— Отличная причина.

Экран отверг Савву. Потом Кочета, Таю, Мотю и Шило.

Все посмотрели на меня.

— Ну конечно, — сказал я. — До этого момента план был слишком разумным.

Я приложил ладонь.

Белая линия прошла по коже. Добралась до шрама у основания большого пальца и остановилась.

Шрам был старый. Я получил его в семь лет, когда полез в отцовский ящик и нашёл там разбитую ампулу. По крайней мере, так рассказывал отец.

Экран мигнул.

ИДЕНТИФИКАТОР ОБНАРУЖЕН

В тамбуре стало очень тихо.

— Вот это уже интересно, — произнесла Вера.

Под ладонью кольнуло.

Я отдёрнул руку. На шраме выступила капля крови.

ОБРАЗЕЦ ПРИНЯТ

ИДЁТ ПРОВЕРКА

— Что ты сделал? — спросил Кочет.

— Постоял рядом с вами. Остальное оно само.

Экран погас. Зелёная труба в стене дрогнула. За ней побежал звук, будто кто-то быстро перебирал металлические костяшки.

Круглая дверь не открылась.

Зато в стене справа появилась щель.

Панель отъехала, открывая узкую нишу. Внутри лежал плоский металлический пакет и чёрная карточка.

На пакете было напечатано:

ГОРИН ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ

Ниже — дата моего рождения.

Настоящая. Та, которую знали отец, я и две давно сгнившие страницы приходской книги.

Савва присвистнул.

— Может, совпадение? — сказал Шило.

— Конечно, — ответил я. — В подземных складах полно пакетов с моим именем.

Вера взяла чёрную карточку раньше, чем я успел. Прочитала и медленно подняла глаза.

— Отдайте.

— Илья...

— Отдайте, блядь.

Она протянула карточку.

Сверху стоял знак, похожий на три вложенных друг в друга квадрата. Под ним:

**НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС. КОНТИНГЕНТ
ВТОРОЙ ОЧЕРЕДИ.**

ЕДИНИЦА: ГОРИН И. С.

ПРОФИЛЬ: СРОКОВЩИК / ПИЩЕВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ.

СТАТУС: ДОСТАВЛЕН.

Последняя строка загорелась красным, когда я коснулся карточки.

СРОК ГОДНОСТИ: 14.08.2086, 06:00.

Завтра.

До шести утра оставалось меньше семнадцати часов.

За спиной щёлкнула круглая дверь.

Створка медленно пошла в сторону, открывая выход.

Никто не двинулся.

— Илья, — сказала Вера, — вы знали об этом месте?

Я смотрел на собственное имя.

На красные цифры.

На каплю крови, застывшую возле старого шрама.

— Нет.

Это была правда.

Поэтому прозвучала она особенно неубедительно.

Глава 2. Условия хранения

Первым наружу вышел Кочет.

Не потому, что был храбрее. Просто стоял ближе к двери и не успел придумать уважительную причину остаться.

Тая прикрывала его из-за створки. Савва держал винтовку так, будто собирался застрелить весь белый свет одним патроном. Мотя прижимал ладонь к ободранному боку. Из-под пальцев проступала кровь: пока выбирались из хранилища, ссадина снова разошлась. Шило сидел у стены и старательно не смотрел на собственное плечо.

Я стоял посреди тамбура с пакетом, изготовленным специально для меня людьми, которые умерли раньше моего рождения.

В другое время я бы оценил заботу.

— Чисто, — донёсся снаружи голос Кочета.

— Насколько? — спросила Вера.

— Настолько, насколько вообще может быть чисто в Белой пади.

То есть никак.

Мы вытащили раненых наверх. После стерильного блеска хранилища дневной свет показался грязным. Небо провисло над обрывом мокрой серой тряпкой. Белые нити на склонах шевелились без ветра. От них хотелось отвернуться, но отворачиваться в пади было глупо. Здесь всё самое интересное

обычно подкрадывалось со стороны, которую ты счёл неприятной для глаз.

Кочет лежал за бетонным обломком и смотрел вниз.

— Тележки нет, — сказал он.

Мы посмотрели туда, где утром оставили «Клопа».

На узкоколейке действительно никого не было. Только две чёрные полосы на ржавых рельсах и перевёрнутый ящик с углём.

— Может, укатилась? — спросил Савва.

Кочет повернул к нему голову.

— В гору?

— Я просто спросил.

— А я просто запомнил.

Тая уже спускалась по осыпи. Я сунул карточку во внутренний карман, металлический пакет — под рубаху. Он лёг на живот холодной пластиной. Вера это заметила, но ничего не сказала.

Пока.

Мы добрались до путей. Крепёжный шкворень валялся в траве. Его выбили аккуратно, с двух сторон, не повредив головку. Паровой регулятор сорвали грубее. На шпалах темнели свежие капли воды и угольная крошка.

Тая присела.

— Увели к старому карьеру. Четверо. Может, пятеро.

— Заречье? — спросил Кочет.

— Сапоги разные. Один босой на левую ногу.

— Богатые люди, — сказал я.

Тая коснулась пальцем вмятины возле рельса.

— Эти пришли после тех двоих. Ждали, пока мы войдём.

Шило тихо выругался. Получилось бледно, без души. Хорошая ругань требует воздуха, а у него воздух уходил на боль.

— До Затвора восемь вёрст, — сказал Кочет. — С ранеными — три часа.

— Четыре, — поправила Вера. — Шило нельзя трясти.

— Тогда три с половиной.

Вера посмотрела на него.

— Организм не торгуется.

— Значит, плохо обучен.

Я опустился рядом с Мотей. Его рубаха на животе слиплась. Разрез оказался длинным, но неглубоким. Края чистые. Кровь шла ровно, без толчков.

— Жить будешь.

— А работать?

— Вот это уже хуже.

Он подумал и кивнул. Кажется, ответ его устроил.

Шилу повезло меньше. Пуля прошла через верх плеча, не задев кость, но разорвала мясо на выходе. Вера промыла рану остатками кипячёной воды. Я отдал ей спирт из своего набора — для рук, кожи вокруг раны и инструмента.

— Он для проб, — предупредил я.

— Считайте, это проба Шила.

— Результат уже отрицательный.

Шило криво улыбнулся. Потом побелел ещё сильнее.

Мы соорудили носилки из двух жердей и курток. Кочет хотел идти за «Клопом», Тая — сразу в Затвор. Спор длился недолго. За тележкой можно было послать здоровых. Здоровых у нас оставалось четверо, если считать меня, что было бухгалтерской дерзостью.

Склон над путями хрустнул.

Все, кроме Шида, подняли оружие.

Из белой пыли выкатился угольный мешок. За ним показался человек.

Он сделал два шага, увидел нас и сел.

Это был Ломоть. Тот самый, которого мы утром оставили у входа с простреленной ногой, водой и пустым карабином. Он добрался до путей, но дорога наверх оказалась длиннее упрямства.

Левая штанина почернела до сапога. Ремень был затянут вокруг бедра. Лицо стало цвета хозяйственного мыла.

— Не стрелять, — сказал он.

— Второй раз бесплатно не будем, — ответил Кочет.

Ломоть посмотрел на Савву.

— Косой ты ублюдок.

Савва сжал винтовку.

— Я попал.

— Потому и косой. Целился в грудь.

С этим спорить было трудно.

Вера подошла к Ломтю, не спрашивая разрешения. Разрезала штанину. Пуля вошла сбоку, выше колена, и вышла сзади. Кровь не била толчками, стопа оставалась тёплой, но пульс под пальцами Веры едва прощупывался.

— Главная артерия, похоже, цела, — сказала она. — Крови потерял много.

— Кто угнал тележку? — спросил Кочет.

— Не мои.

— Кашин где?

Ломоть отвёл взгляд к провалу.

— Внизу остался?

— Остался.

— Живой?

— Уже нет.

Ломоть закрыл глаза. На секунду он перестал быть зареченским лазутчиком и стал человеком, который двадцать лет ел с кем-то из одного котла. Потом открыл глаза обратно.

— Кто угнал тележку? — повторил Кочет.

— Люди Бугая.

Я почувствовал, как металлический пакет под рубахой стал тяжелее.

— Уверен? — спросила Вера.

— Рыжего видел. У него ухо половинкой. В Затворе с Бугаем ходит.

— Почему они тебя не добились?

— Не заметили. Я в канаве лежал.

— Удобная канава.

Ломоть посмотрел на меня.

— А ты кто?

— Человек с очень плохим утром.

— Это я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Он оскалил зубы. Или хотел улыбнуться. При такой потере крови разница невелика.

— Они знали, что вы ползете внутрь, — сказал Ломоть.

— Ждали дым из трубы. Как пошёл — сняли тележку. Рыжий сказал: пусть обратно товар на горбу тащат. Ещё сказал, что хозяин хочет первым услышать, что там.

Вера посмотрела на меня.

Я пожал плечами. Осторожно, чтобы пакет не звякнул.

— Что? Я всего лишь забраковал его мясо. Люди за такое редко угоняют паровые тележки. Обычно просто желают поноса.

— Он знал о выходе, — сказала Тая.

— Половина рынка знала, — ответил Кочет. — Когда Управа собирает семь человек, оружие и чёрный порох, это называется тайная экспедиция.

— Шесть человек, — сказал Савва.

Кочет посмотрел на него.

— Семь вместе со сроковщиком.

— А. Я вас сначала не считал.

— Спасибо, — сказал я. — Очень поддержал.

Ломоть попытался встать и не смог.

— Возьмите меня.

— В Затвор? — спросил Кочет. — Чтобы тебя повесили за Кашина?

— Кашина убило железо.

— За то, что стрелял в моих.

— Первым выстрелил ваш мальчишка.

Савва открыл рот.

— Закрой, — сказал Кочет. — Потом разберёмся, кто первым начал войну между двумя великими державами.

Он посмотрел на носилки, потом на Ломтя. У нас было две жерди, две куртки и уже один раненый, который занимал всё это имущество.

— Оставим ему воду, — сказал Кочет.

Ломоть понял раньше остальных.

— Я дойду.

— Не дойдёшь.

— Дойду, сука.

Он снова попробовал подняться. Нога подломилась. Ломоть упал лицом в угольную крошку.

Вера присела рядом.

— Если оставить, он умрёт.

— Если понесём, можем умереть все, — сказал Кочет.

— Не все.

— Это утешает.

Я посмотрел на часы. Стрелки показывали без четвер-

ти два. До шести утра оставалось шестнадцать часов пятнадцать минут.

Очень удобно, когда на тебе стоит срок. Любое чужое несчастье сразу получает точную цену в минутах.

— Привяжем его к Шилу, — сказал я.

Кочет нахмурился.

— На одни носилки?

— Валетом. Ломоть легче. Мотя понесёт передний конец здоровой рукой. Мы будем меняться.

— Так идти пять часов.

— Тогда надо начинать сейчас.

Вера смотрела на меня с тем выражением, которое люди принимают за благодарность, если очень хотят ошибиться.

— Почему? — спросил Кочет.

— Потому что он видел людей Бугая. Потому что умеет говорить. И потому что если бросить его здесь, Савва следующие десять лет будет рассказывать, что лично убил пленного.

Савва побледнел.

Вот так с помощью одной гадости можно выдать трусость за расчёт и даже слегка укрепить дисциплину.

— Не буду, — сказал он.

— Уже рассказываешь.

Кочет сплюнул.

— Вяжите.

Мы уложили Ломтя рядом с Шилом. Они немедленно воз-

ненавидели друг друга за локти, кровь и происхождение. Это было хорошим признаком. Умиравшие обычно менее требовательны к соседям.

Перед уходом Кочет отправил Таю к объекту. Она вернулась через десять минут, замаскировав вход брезентом, камнями и белой полынью.

— Дверь закрылась, — сказала она.

— Сама? — спросила Вера.

— Как только я отошла. Экран погас.

Все посмотрели на меня.

— Даже не начинайте, — сказал я.

Мы пошли домой.

Путь от Белой пади до Затвора считался безопасным. Это означало, что на нём давно никого не съели при свидетелях.

Сначала шли по насыпи. Рельсы резали склон двумя ржавыми швами. Потом свернули к старой дороге, где из земли торчали плиты. В трещинах росла жестянка-трава — серая, острая, пропитанная кремнём. Ею набивали матрасы бедняки и рукавицы богачи. Первые просыпались в крови, вторые называли это выгодной торговлей.

Носилки раскачивались. Шило стонал на каждом спуске. Ломоть молчал, экономя злость.

Я шёл впереди слева. Пакет натирал живот. Карточка колола грудь углом. К шестому километру мне стало казаться, что собственное имя весит больше пистолета.

Вера поравнялась со мной.

— Покажите руку.

— Она занята.

— На привале.

— Зачем?

— У вас кровь шла из шрама.

— Кровь иногда идёт из людей. Неприятное устройство.

— Илья.

— Вера.

— Вы всегда ведёте себя как мудак, когда боитесь?

— Нет. Иногда я сплю.

Она отстала. Разговор получился коротким, но полезным: теперь мы оба знали, что она попала.

На первом привале Вера всё-таки осмотрела руку. Я дал ей. Не из доверия. Просто Кочет стоял рядом и мог выдать руку отдельно от меня.

Шрам выглядел как всегда: белый крючок у основания большого пальца. Только в середине появилась тёмная точка.

Вера провела ногтем рядом.

Под кожей что-то щёлкнуло.

Я дёрнулся.

— Больно?

— Нет. Просто не люблю, когда меня чинят без сметы.

Она достала лупу. Долго смотрела.

— Там металл.

— В детстве загнал занозу.

— Занозы не щёлкают.

— У меня была сложная.

— Что было в ампуле?

Я поднял глаза.

— Откуда вы знаете про ампулу?

На этот раз замолчала она.

Кочет перестал жевать сухарь.

Тая сидела чуть дальше, но её спина стала внимательной.

— Вы сказали внизу, — ответила Вера.

— Нет.

— Сказали.

— Я подумал. Это другое.

Вера убрала лупу.

— Возможно, слышала от вашего отца.

— Вы не знали моего отца.

— Я много кого не знала лично.

— Зато они охотно рассказывали вам о разбитой посуде в моём детстве.

— У нас раненые.

— И очень удачно. Всегда можно уйти от ответа ради гуманности.

Она встала.

— До Затвора два часа. Хотите поссориться — донесите сначала задний конец.

Кочет протянул мне жердь.

— Дама права.

— Дама врёт.

— Это не мешает ей быть правой.

Я взялся за носилки.

Ломоть открыл один глаз.

— Семейная ссора?

— Закрой рот, — одновременно сказали мы с Верой.

Ломоть улыбнулся и закрыл.

К Затвору мы подошли на закате.

Стена из поставленных стоймя вагонов казалась чёрной. В прорезях горели жёлтые огни. Над башней лениво вращались лопасти ветряка. С той стороны стены пахло дымом, навозом и ужином. После Белой пади это был запах цивилизации.

Ворота не открыли.

Смотровая щель приподнялась.

— Кто?

— Покойники, — ответил Кочет. — Открывай, Гвоздь.

— Покойникам положено через малые ворота.

— У нас носилки.

— Вижу. Почему двое?

— Потому что день удался.

За воротами зазвонил колокол. Один длинный, два коротких.

Карантин.

Вера выругалась. Тихо и медицински точно.

— Мы не были в спороносном слое, — крикнул Кочет.

— Управа велела никого из пади не пускать без извести.

— Кто доложил?

— Приказ висит с полудня.

С полудня мы находились под землёй. «Клопа» угнали позже.

— Бугай, — сказала Тая.

Ворота приоткрылись ровно настолько, чтобы выпустить четырёх людей в промасленных плащах. У двоих были помпы с известковым раствором. У третьего — арбалет. Четвёртый держал длинный шест с петлёй.

— Петля зачем? — спросил Савва.

— Если начнёшь цвести, — ответил человек с шестом.

— А известь?

— Чтобы потом не пах.

Нас раздели до белья прямо перед стеной.

Одежду сложили в железные корзины и залили раствором. Оружие протёрли щёлоком. Носилки внесли отдельно. Ломоть ругался, когда с него снимали сапог. Шило не ругался. Вера из-за этого торопила людей сильнее.

Когда дошла очередь до меня, я отказался отдавать пакет.

— Внутри нельзя ничего необработанного, — сказал известковый.

— Он металлический.

— Значит, обработаем.

— Разъест надпись.

— Тогда отдашь Управе.

Я прижал пакет к голому животу. Выглядело унижительно, но достоинство — предмет роскоши. В дорогу его не берут. Вера показала печать особых поручений.

— Пакет изолировать в сухом ящике. Ответственность моя.

— Приказ сотника Рады: всё из пади — под раствор.

— Приказ Управы выше приказа сотника.

— А сотник рядом.

— А Управа — нет?

Человек задумался. Служебная иерархия была последней сложной машиной, которую Цветение не сумело сожрать.

Пакет положили в стеклянную банку и обвязали горлови-ну вощёной тканью. Банку отдали Вере. Карточку я спрятал в ладони. Её не заметили. Иногда власть проигрывает человеку просто потому, что не считает пальцы.

Нас загнали в банный двор. Поливали тёплой водой с золой, потом уксусом. Савва чихал. Мотя терпел. Кочет обещал убить Бугая чистым и обеззараженным.

Я смотрел, как вода стекает с большого пальца.

Тёмная точка в шраме исчезла.

Из банного двора нас повели не в лечебницу, а в старое пассажирское депо.

Когда-то там чинили вагоны. Теперь чинили людей и решения Управы. С людьми выходило лучше. Их можно было зашить, напоить маковым отваром и уложить. Решения приходилось кормить дольше.

В центре зала стояла печь. По стенам тянулись койки, отделённые льняными занавесками. На дальней площадке, где прежде размещалась диспетчерская, горели три лампы. Под ними ждали сотник Рада, казначей Мешков и Бугай.

Последний успел переодеться после рынка. На нём был чистый кафтан, серебряная пряжка и выражение честного человека, которого случайно застали рядом с чужой бедой.

— Вот и герои, — сказал он.

Кочет рванулся к нему.

Человек с арбалетом упёр приклад Кочету в грудь. Второй обхватил его сзади. Кочет не стал драться. Просто запомнил обоих, а потом посмотрел на Бугая.

Тот перестал улыбаться.

— Где тележка? — спросил Кочет.

— Какая?

— Наша.

— У вас была тележка?

— Была. Потом рядом появились твои люди. И тележка стала бывшей.

Бугай развёл руками.

— Люди всё время появляются рядом со мной. Я общительный.

— Рыжий с половиной уха тоже?

На лице Бугая ничего не изменилось. Только большой палец перестал гладить серебряную пряжку.

— Не знаю такого.

За нашими спинами простонал Ломоть.

— А он тебя знает.

Бугай посмотрел на носилки.

Миг был коротким. Но в коротких мигах люди обычно живут честнее.

— Зареченский, — сказал он. — С чего вы верите зареченскому?

— Потому что он истекает кровью, — ответила Вера. — На враньё у него сейчас мало давления.

Сотник Рада ударила ладонью по столу.

Она была невысокой, седой и сухой, как хороший порох. Левый глаз закрывала кожаная чашка. Правый смотрел за двоих и обоим не нравилось увиденное.

— Лазарь, — сказала она лекарю, — раненых за ширму. Свидетеля не усыплять, пока я не поговорю.

— Если не усыпить, можете не успеть, — сказала Вера.

— Тогда поговорю сейчас.

— Тогда он сдохнет сейчас.

Они смотрели друг на друга. Сотник отвечала за стены. Вера — за всё, что Управа не хотела записывать. В нормальном государстве одна из них подчинялась бы другой. У нас нормальное государство съели вместе с резиновыми прокладками.

— Десять минут, — решила Рада.

— Пять.

— Семь.

— И маковый отвар после первого вопроса.

— После второго.

Они кивнули. Организм всё-таки торговался. Просто хотел грамотного посредника.

Шило, Ломоть и Мотя исчезли за занавесками. Савву и Таю усадили возле двери. Кочет остался стоять. Я тоже. После пяти часов с носилками садиться было опасно: тело могло решить, что рабочий день закончен, и не подняться.

Мешков раскрыл книгу.

— Время возвращения: двадцать ноль семь. Состав группы...

— Ты чего пишешь? — спросил Кочет.

— Протокол.

— Сначала верни оружие.

— Оно на обеззараживании.

— Тогда пиши карандашом. Чернила жалко.

Мешков недовольно макнул перо.

— Объект нашли?

Вера посмотрела на нас.

— Нашли технический блок, — сказала она. — Часть помещений разрушена. Внутри сработала автоматическая защита. Один посторонний погиб. Извлечь имущество не удалось.

— Какое имущество? — спросил Бугай.

— Которое не удалось извлечь.

— Продовольствие было?

— Вы член Управы? — спросила Вера.

— Я поставщик Затвора.

— Вот и поставляйте.

Бугай покраснел. Крупные люди краснеют медленно. Сначала шея, потом уши, потом туда добирается мысль.

Рада перевела глаз на стеклянную банку в руках Веры.

— А это?

— Личный предмет Горина.

— Из объекта?

— Да.

— Тогда не личный.

— Моё имя достаточно личное? — спросил я.

Вера поставила банку на стол. Сквозь стекло было видно надпись.

ГОРИН ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ.

Мешков перестал писать. Бугай вытянул шею. Рада не шелохнулась. Только её единственный глаз стал уже.

— Открывали? — спросила она.

— Нет.

— Почему?

— Автомат стрелял, — сказал Кочет. — Мы решили, что сначала побегаем.

— Я спрашиваю сейчас.

— Потому что он мой, — ответил я.

— Всё найденное экспедициями Управы принадлежит Затвору.

— Там указано имя Затвора?

— Не играй словами, Горин.

— Другого оружия мне не вернули.

Рада протянула руку к банке.

Я опередил её.

Стекло качнулось. В комнате сразу стало тесно. Арбалетчик у двери поднял оружие. Кочет повернулся к нему боком. Тая будто бы продолжала сидеть, но её правой руки я уже не видел.

Вера накрыла банку ладонью.

— Пакет может содержать химический препарат, — сказала она. — Вскрывать только в лаборатории.

— В Затворе одна лаборатория, — заметил Мешков. — У Горина.

— Вот там и откроем.

— Мы, — подчеркнула Рада.

— Я и Горин.

— Мы.

— В пакете может быть биологический маркер объекта. Чем больше людей, тем выше риск.

Это звучало убедительно. Особенно если не знать, что Вера только что придумала весь риск, от первого до последнего микроба.

Рада знала.

— Хорошо, — сказала она. — Вы двое. Кочет у двери. Пакет вскрыть, содержимое переписать и передать Управе.

— После оценки опасности, — добавила Вера.

— После оценки опасности.

Бугай кашлянул.

— А мне кажется, общество имеет право знать, что нашли за стенами.

— Общество сейчас сидит в трактире, — сказала Рада. — Ты здесь один.

— Я представляю торговые дворы.

— Торговые дворы выбрали тебя, пока ты шёл сюда?

— Люди волнуются.

— Пусть заплатят налог. Это успокаивает.

Бугай посмотрел на меня.

— Илья Сергеевич, мы с вами утром не договорили.

— Вы хотели продать тухлое мясо. Я не хотел его есть.

По-моему, мысль завершена.

— Иногда заключение специалиста зависит от сведений, которых у него не было.

— Ваше мясо не знало этих сведений и продолжало гнить.

— Я не о мясе.

Он улыбнулся.

— У вас ведь нет наследников?

Кочет шагнул вперёд.

Рада даже не повысила голос.

— Ещё одно слово, Бугай, и до утра будешь представлять торговые дворы в яме.

— Я лишь беспокоюсь о сохранности общественного иму-

щества.

— Уже беспокоился. Где тележка?

Бугай молча поклонился. Очень неглубоко. Богатые вообще берегут спину для более важных наклонов.

Его выпустили.

Я смотрел ему вслед и впервые за день пожалел, что забраковал только мясо.

За занавеской Ломоть закричал. Крик оборвался на середине. Вера сорвалась с места.

Мы остались ждать.

Мешков снова начал писать. Рада расхаживала возле стола. Кочет стоял у двери и медленно скрёб ногтем известь с рукава.

Через четверть часа Вера вернулась. На фартуке была кровь.

— Шило уснул. Пуля прошла чисто. Мотю зашила. Ломтю ногу, возможно, сохраним.

— Допрос? — спросила Рада.

— Завтра.

— Он назвал Бугая?

— Он назвал Рыжего. Потом назвал Савву косым. Потом меня мясницей. Всё в протокол?

Мешков поднял перо.

— Последнее не обязательно.

— Тогда и первое услышите завтра.

Рада постучала пальцами по столу.

— Объект можно открыть снова?

Никто не ответил.

— Горин?

— Наверное.

— Как?

— Рукой.

— Не кривляйся.

Я достал чёрную карточку и положил на стол.

Красная строка загорелась сразу.

СРОК ГОДНОСТИ: 14.08.2086, 06:00.

Слова освещали лица снизу. Получилось как у костра, только страшную историю рассказывало железо.

Мешков перекрестился.

Рада взяла карточку за край.

— Это шутка?

— Попросите Мешкова занести в протокол. Шутки становятся серьёзнее после регистрации.

— Что произойдёт в шесть?

— Надеялся узнать из пакета.

— Почему ты молчал?

— Хотел сначала обсудить с близкими.

Кочет хмыкнул.

— Насколько я помню, Горин, близких у тебя нет.

— Поэтому разговор и затянулся.

Рада отдала карточку.

— До выяснения остаёшься под охраной.

— Нет.

— Это не просьба.

— А у меня не возражение. У меня расписание. В шесть утра я, возможно, испорчусь. Хотел бы встретить это событие в собственной мастерской.

— Там окна и задняя дверь.

— Ещё стол, инструменты и чай. Особенно опасен чай.

Рада повернулась к Вере.

— Отвечаешь за него головой.

— Своей или его?

— Начну с его. Твоя потом.

— Справедливо.

Нам вернули одежду. Мокрую, пахнущую известью и уксусом. Пистолет мне не отдали. Нож тоже. Взамен дали Кочета.

Торговая сделка была неравной, но спорить он умел лучше ножа.

На улице уже стемнело. Карантинный колокол разбудил слухи. Возле депо собралась толпа. Люди стояли за верёвкой, тянули шеи, перешёптывались. Кто-то уже знал про подземный склад. Кто-то — про живые машины. Один мальчишка утверждал, что мы принесли говорящую голову прежнего царя.

Царя при последней проверке у нас не было. Головы — тоже. Но к полуночи он наверняка успеет обрасти туловищем и потребовать налоги.

К нам прорвалась женщина с рынка.

Та, которой утром я отдал марки и записку в лечебницу.

Она несла ребёнка, завернутого в серое одеяло.

У меня внутри стало пусто.

— Что? — спросил я.

Женщина замерла.

— Ничего. Я... спасибо хотела. Нас приняли.

Из одеяла донеслось недовольное сопение.

— Ел?

— Там кормилица нашлась. Дважды взял грудь. Не рвало.

Уснул.

— Живот?

— Мягкий.

— Температура?

— Нет.

— Давно?

— Второй раз — час назад.

— Если перестанет брать грудь, начнётся рвота или жар

— сразу назад к лекарю. До утра не ждать.

— Я поняла.

Она прижала свёрток крепче.

— Вы хороший человек, Илья Сергеевич.

— Нет. Просто вовремя испугался.

Женщина улыбнулась, будто я пошутил.

Я не стал объяснять.

Когда она ушла, Вера сказала:

— Удобно.

— Что?

— Делать добро так, чтобы никто не успел вас поблагодарить.

— Благодарность плохо хранится.

— А вина?

— Та вообще не портится.

До моей мастерской было десять минут хода. Мы потратили двадцать. Кочет трижды останавливался, проверяя переулки. Один раз Тая появилась на крыше впереди, хотя я не заметил, когда она ушла от депо. Второй раз из подворотни выскочила коза и едва не стала последним убийцей Ильи Горина.

У двери всё выглядело целым.

Это насторожило сильнее сломанного замка.

Я провёл пальцем по верхней петле. На пыли была свежая дуга.

— Заходили, — сказал я.

Кочет отодвинул меня. Открыл дверь чужим ключом, которого у него, разумеется, не было, и вошёл первым.

В мастерской пахло карболкой, сушёной мятой и мокрым деревом. Лампа не горела. Я зажёл фитильот Кочетова кресала.

Ящики были закрыты. Банки стояли по местам. Весы не тронули.

— Что искали? — спросила Вера.

— То, чего утром здесь не было.

Кочет заглянул под стол.

— Окно сзади открыто.

Я подошёл к верстаку. Прижал коленом нижнюю доску. Тайный ящик выдвинулся.

Обрез лежал на месте.

Патронов не было.

— Оружие оставили, — сказал Кочет. — Порох забрали.

— Чтобы я не сразу заметил.

Вера поставила банку с пакетом на стол.

— Или чтобы вы не смогли выстрелить.

— Для этого достаточно дать мне обрез.

Кочет проверил задний двор. Вернулся с клочком красной шерсти на гвозде.

— Кафтан Рыжего, — сказал он. — Видел такой.

— Значит, Бугай знает, что пакет у меня.

— Теперь знает, что тебя охраняют.

— Это не одно и то же.

Кочет задвинул засов.

— Открывайте. Мне обещали стоять у двери, а не ждать старости.

Я снял с банки ткань и вынул пакет.

Металл был тусклый, без ржавчины. Кромка запаяна. Ни замка, ни клапана. На обороте — три вложенных квадрата и короткая надпись:

ВСКРЫТИЕ ПОСЛЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ СТАТУ-

СА.

— Статус подтвердили, — сказала Вера.

— Железо с вами не согласно.

— У вас карточка.

Я приложил её к пакету.

Ничего.

Вера взяла мою правую руку.

— Даже не думайте.

— Уже думаю.

— Это моя рука.

— Пока.

Она прижала мой большой палец к знаку.

Под кожей снова щёлкнуло.

По шву пакета пробежала синяя искра. Верхняя кромка отделилась без звука.

Кочет выдохнул через нос.

— Ненавижу умное железо.

— Оно отвечает взаимностью, — сказал я.

Внутри лежали стеклянная ампула в металлическом гнезде, свёрнутая пластина тонкой фольги и маленький ключ. Не дверной. Короткий цилиндр с четырьмя зубцами.

Я взял его. Один зубец скользнул по свежей точке на большом пальце. Я отдёргнул руку и машинально вытер кровь о штаны. На металле осталась тёмная бусина.

Вера потянулась к ампуле.

Я перехватил её руку.

— Сначала читаем.

— Я врач.

— Поэтому и говорю.

На ампуле было нанесено:

К-2. СТАБИЛИЗАТОР. 5 МЛ.

НЕ ВВОДИТЬ БЕЗ ДИАГНОСТИКИ.

Жидкость внутри казалась прозрачной. Когда я повернул ампулу к лампе, в ней вспыхнула тонкая зелёная нить.

— Пластик? — спросил Кочет.

— Похоже, колония, — сказала Вера.

Он отступил на шаг.

— Тогда я буду ненавидеть её отсюда.

Я развернул фольгу.

На ней проступили буквы. Сначала бледные, потом чёрные.

ЕДИНИЦА ГОРИН И. С.

ПЕРИОД АВТОНОМНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ЗАВЕРШАЕТСЯ 14.08.2086, 06:00.

ДО УКАЗАННОГО ВРЕМЕНИ ДОСТАВИТЬ ЕДИНИЦУ В УЗЕЛ ПРОДЛЕНИЯ НЗ-4.

ПРИ ОПОЗДАНИИ ДО 12 ЧАСОВ: ВВЕСТИ К-2 ВНУТРИМЫШЕЧНО. РЕСУРС — 18 ЧАСОВ.

ПОВТОРНОЕ ВВЕДЕНИЕ ЗАПРЕЩЕНО.

Ниже появилась схема.

Сначала я увидел реку. Потом старую железную дорогу, Затвор и Белую падь. В шестидесяти трёх километрах к се-

веро-востоку пульсировала точка.

НЗ-4. УЗЕЛ ПРОДЛЕНИЯ.

Рядом шла ещё одна строка.

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ: АВАРИЙНОЕ.

— Шестьдесят три километра, — сказал Кочет.

— По прямой, — добавила Вера.

— До шести утра десять часов, — сказал я.

Кочет посмотрел на карту.

— Пешком не успеем.

— «Клоп» у Бугая.

— Даже на тележке не успеем. Путь после северной стрелки разобран.

Вера наклонилась ближе.

— Здесь не путь. Это старая служебная ветка. Она уходит через тоннель под Каменным гребнем.

— Откуда знаете? — спросил я.

Она не ответила.

Кочет посмотрел на неё, потом на меня.

— Опять семейное?

— Уже почти развод, — сказал я.

Я перечитал инструкцию.

Период автономной стабильности.

Единица.

Доставить.

Слова были чистыми, точными и совершенно не интересовались тем, что единица умеет читать.

— Что со мной произойдёт? — спросил я.

Вера подняла ампулу к свету.

— Не знаю.

— Первый честный ответ за день. Запишем время.

— Илья...

— Вы знали про ампулу в моей руке. Знали про ветку. Моё имя было в вашем договоре до того, как вы пришли на рынок. Ещё раз спрашиваю: что вы знали?

Кочет не вмешивался. Он встал между Верой и дверью. Не угрожающе. Просто дверь получила новые условия пользования.

Вера долго молчала.

Потом сняла с шеи тонкий шнурок. Под рубахой висел плоский латунный футляр.

Она открыла его и вынула фотографию.

Снимок выцвел. На нём стояли четверо в белых халатах возле стены с тремя вложенными квадратами. Двух лиц время съело пятнами. Третьей была молодая женщина, похожая на Веру подбородком и привычкой не улыбаться.

Четвёртого я узнал сразу.

Отец держал на руках мальчика.

У мальчика была перевязана правая ладонь.

— Где вы это взяли?

— У матери.

— Кто она?

— Врач второго контура. Работала на НЗ до Цветения.

— А мой отец?

— Специалист по пищевым линиям. Поэтому вас выбрали сроковщиком не судьба и не чувство юмора машины.

Я снова посмотрел на снимок.

Отец был моложе, чем в моих воспоминаниях. Живой. Это выглядело неправдоподобно.

— Когда ваша мать отдала фотографию?

— Перед смертью. Три года назад.

— И только сегодня вы решили познакомиться?

— Я искала остальные записи.

— Нашли?

Вера коснулась края карты.

— Часть. Был список детей, которым ввели экспериментальный симбионт. Он должен был защищать организм от токсинов Цветения. Шестьдесят четыре имени. Возле вашего — пометка «стабилен».

— До завтра.

— Дата была зашифрована. Я не знала.

— Но знали, что объект откроется моей рукой.

— Надеялась.

— Поэтому полезли именно в НЗ-12.

— Да.

— Поэтому дали мне сто пластин и один процент.

— Управа не заплатила бы за ваши детские воспоминания.

— А вы не доверили бы их мне бесплатно.

Она выдержала взгляд.

— Нет.

Честность иногда приходит слишком поздно и требует, чтобы её всё равно похвалили.

Я сложил фотографию. Потом положил обратно на стол.

— Сколько детей ещё живы?

— Подтверждённых — трое.

— Где?

— Один умер прошлой зимой в Северном посаде. Одна женщина ушла с караваном на запад. Третий — вы.

— Это двое.

— Четвёртую запись я не смогла проверить.

— Имя.

— Моё.

Кочет очень медленно почесал бороду.

— Экран тебя не признал.

— Мне не вводили симбионт. В списке стояла пометка «контроль».

— То есть вы обычная? — спросил я.

— Насколько это возможно рядом с вами.

На улице скрипнула доска.

Кочет погасил лампу.

В темноте заднее окно лопнуло внутрь.

Что-то звякнуло о стену и упало на пол.

— Не дышать! — крикнул я.

Из разбитой колбы поднялся белый дым.

Не споры. Жжёная известь с толчёным перцем. Дешёвая смесь, зато глаза у неё были дорогие.

Кочет опрокинул стол и навалил его на окно. Вера накрыла пакет рубахой. Я нащупал под верстаком обрез, переломил и вспомнил, что патронов нет.

Снаружи затопали.

Дверь дёрнулась. Засов выдержал.

— Горин! — крикнули с улицы. — Отдай железку, и разойдёмся!

Голос был хриплый. Рыжий. Я слышал его утром за спиной Бугая.

— Забери! — крикнул я и швырнул в разбитое окно стеклянную банку.

Он, видимо, решил, что получил желаемое. Человек вообще охотно ловит то, ради чего пришёл грабить.

Банка ударилась снаружи и разбилась.

В ней оставалось пол-литра реактива на сернистые соединения.

Рыжий заорал.

— Воды не лей! — крикнул я. — Хуже будет!

Это была неправда. Но из уважения к моей профессии он поверил.

Кочет выбил заднюю дверь плечом и выскочил во двор. Раздались удар, ругань и чей-то короткий визг. Потом шаги понеслись к переулку.

Тая свистнула с крыши.

Через минуту всё стихло.

Мы открыли дверь. Кочет вернулся, таща Рыжего за ворот. Половина уха у того действительно отсутствовала. Теперь собиралась отсутствовать и часть кожи на лице, но это было временно.

— Двое ушли, — сказал Кочет. — Этого поймали. У него наш ключ от «Клопа».

Рыжий лежал на полу и плакал. Не от раскаяния. От ре-актива.

— Где тележка? — спросил я.

— В карьере.

— Целая?

— Да.

— Пар в котле?

— Держали.

Кочет поднял его за волосы.

— Зачем?

Рыжий сплюнул кровь.

— Бугай велел ждать. Если найдёте товар — забрать. Если нет — тележку утром вернуть и сказать, что зареченские угнали.

— Очень хозяйственно, — сказал я.

— Он вас живыми не выпустит.

— Кого — нас?

Рыжий посмотрел на Веру, потом на пакет.

— Всех, кто был внутри. Он знает про старые склады. Его

отец на НЗ возил охрану до Цветения. Сказал, там еда делается сама. Если склад открылся, Затвор ему больше не нужен.

Кочет ударил Рыжего лицом о стол. Несильно. Справочно.

— Врёшь?

— Нет!

— Тогда зачем полез за пакетом, а не за едой?

— Бугай сказал, ключ будет у сроковщика.

Мы переглянулись.

— Откуда? — спросила Вера.

— Не знаю. Клянусь.

— Кому?

Рыжий задумался. В тяжёлые минуты человек особенно ясно понимает, как мало у него осталось надёжных знакомых.

— Матери.

— Она жива?

— Нет.

— Удобно, — сказал я.

Кочет связал его верёвкой от жалюзи.

— Отведу Раде. Тая проводит вас до карьера.

— А Бугай? — спросила Вера.

— Рада возьмёт его дом.

— Если успеет.

— Тогда возьмёт пепел. Налог всё равно начислит.

Он вытолкнул Рыжего на улицу.

Я собрал содержимое пакета. Ампулу уложил обратно в гнездо. Ключ сунул в карман. Фольгу свернул картой наружу.

На схеме пульсировала точка НЗ-4.

Шестьдесят три километра.

До срока оставалось девять часов двадцать минут.

— Даже если доберёмся до тоннеля, мы не знаем, открыт ли он, — сказала Вера.

— Если не доберёмся, это станет неважно.

— К-2 даст восемнадцать часов.

— После шести. До шести вводить нельзя.

— Здесь написано «при опоздании». Не сказано, что раньше он убьёт.

— На крысах проверяли?

— Крыс нет.

— Вот и отзывов нет.

Тая появилась в двери.

— На северных воротах люди Бугая. Человек восемь. Говорят, ищут украденный груз.

— Они быстро, — сказала Вера.

— Они сытые, — ответила Тая.

Я снял мокрую рубашу и надел запасную. Взял рабочую сумку: пробирки, ланцет, спиртовку, три сухаря, соль, бинт. Потом открыл верхний шкаф и достал мешок овсяной муки.

— Зачем? — спросила Вера.

— Шестьдесят три километра. Еда не лишняя.

— Это для ваших проб.

— Сегодня проба — мы. Если выживем, оформлю результаты.

Я положил мешок в сумку.

Тая протянула мне пистолет. Мой. Ещё влажный после протирки щёлоком.

— Где взяла?

— Вернули.

— Кто?

— Я.

В барабане было четыре патрона. Утром было пять.

Я посмотрел на неё.

— Обеззараживание трудное, — сказала Тая.

— Особенно для боеприпасов.

Она кивнула. Ни тени смущения. Вот что мне всегда нравилось в честных ворах.

Мы вышли через задний двор.

На башне пробило девять.

Где-то у площади кричали. Потом ударил тревожный колокол. Один раз. Второй. Третий.

Горел дом Бугая.

Красный свет поднялся над крышами и лёг на стену. Люди побежали с вёдрами. У северных ворот закричали команды. Затвор повернулся к пожару всем телом, как больной к больному боку.

— Рада не успела, — сказала Вера.

— Или успела раньше нас, — ответила Тая.

Мы нырнули в проход между дровяным складом и старой водокачкой. Оттуда начинался сухой коллектор под стеной. Его знали контрабандисты, крысы и сотник Рада. Крыс не осталось, а с остальными можно было договориться.

Перед решёткой я оглянулся.

Моя м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.